
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

М.А. ШЕБАНОВА

ИМПЕРИАЛИЗМ: ФОРМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В топком хаосе неопределенных теоретических абстракций кажется совершенно невозможным нащупать все «измы» и каждый закрепить
точным определением...

Гобсон Дж. А. Империализм¹

Казалось бы, время империй прошло, и современной эпохе соответствуют иные формы политической организации. Однако в осмыслении политических порядков нашего времени нередко используются понятия «империя» и «империализм». Отчасти это связано с тем, что вновь и вновь проявляются внутренне присущие обществам закономерности, порождающие импульсы властной экспансии в условиях экономической и политической конкуренции. Поэтому к их анализу применяются аналитические схемы и понятия, которые преобладают в осмыслении исторических явлений, однако продолжают доказывать свою актуальность для настоящего и будущего. Например, это демонстрирует большая популярность концепций унилатерального империализма США (в публицистике это государство или его столицу иногда называют «четвертым Римом»). Как пишет А.Д. Богатуров, многие ученые, в том числе за-

¹ *Hobson J.A. Imperialism: A study.* – N.Y.: James Pott & Co, 1902. – P. 19.

падные, «без ложной стыдливости» называют современный мировой порядок «американской империей» [Богатуров, 2004].

Одновременное использование концептов «империя» и «империализм» в построении моделей современного политического порядка можно объяснить тем, что наш мир наследует традиции прошлых эпох – и на практике, и в теории. С одной стороны, существует преемственность между формами и принципами политической организации. С другой стороны, давние интеллектуальные традиции во многом формируют их теоретическое отражение. Пройдя через всю историю «западной» политической мысли, понятия продолжают не просто жить в языке XXI в., но находятся в активе современного общественно-политического словаря и образуют концептуальную канву научно-теоретического дискурса.

При этом с усложнением общественных организмов постоянно переосмысляются основные категории и трансформируются символические системы в процессе взаимного конструирования теорий и практик. Такое обновление смыслового содержания унаследованных нами понятий приводит к их перегруженности, многозначности, противоречивости – порой до той степени, что они становятся малопригодными для классификации явлений общественной жизни.

Так, понятия «империя» и «империализм» употребляются с довольно широким диапазоном значений. Противоречия в их интерпретациях проявляются в попытках использовать их, очерчивая контуры транснациональной политики. Некоторые теоретики рассматривают модель империи как антипод транснациональной модели политических отношений. Например, У. Бек, анализируя мировой политический порядок, противопоставляет модель транснациональной кооперации модели империи [Бек, 2001]. У. Робинсон характеризует теорию транснационализма как подход, противоположный теории нового империализма, на критике которой основывается его концепция транснациональных элит [см.: Robinson, 2007]. Как пишет автор, теория «нового империализма» утверждает, что капитализм XXI в. все еще представлен национальными капиталами и что политическая борьба разворачивается между империями, с лидирующими США, которые пытаются распространить свою гегемонию в мире. То есть в центре этой критикуемой им аналитической схемы мировой политической динамики – национальные

государства. Империализм понимается как *система доминирования одной нации над остальными*.

Однако другие исследователи, напротив, *противопоставляют империю государству*, характеризуют ее как специфическую форму политической организации, объединения субобществ и системы их коммуникаций, обнаруживая при этом *транснациональные отношения в основе и вследствие политики империализма* либо выделяя особый «имперский смысл», который можно выразить в *категориях транснационального анализа*. Х.М. Коломер отмечает в связи с этим, что политическая наука в принципе слишком государствоцентрична, и считает, что она могла бы обогатиться за счет более диверсифицированной категоризации политий. Ученый рассматривает империю как альтернативный государству политический институт и приводит примеры исследований, доказывающих, что модель государства – это не единственная и не самая оптимальная модель политической организации [Colomer, 2008]. Существуют также подходы, которые более абстрактно описывают «транснациональный феномен» империализма [Hopkins, 2003] как некую анонимную надгосударственную реалию, определяющую национальную политику: например, А.Г. Хопкинс, А. Бертон и другие английские ученые именно так характеризуют британский империализм, указывая, что он «влияет на развитие и метрополии, и колоний – и до, и после распада Британской империи» [Burton, 2003, p. 2].

Какой формой политики является империализм – государственной или транснациональной? На какие методологические основы следует полагаться, рассматривая элиты империи? Можно ли назвать властителей империи транснациональными элитами ввиду того, что феномен империи образует особые смысловые и мотивационные связи, реализуемые в политике элит? Следует ли рассматривать инициативы построить всемирную систему власти, возникающие в ядре политических систем государств, как транснациональные проекты? И т.д. Подобные вопросы заставляют нас углубиться в проблему понимания сущности империи. Словарные определения не отражают в полной мере всей сложности данной проблематики, что показывает анализ сравнительно-исторических исследований, а также теоретических работ. Феномены империи и империализма понимаются крайне неоднозначно. Семантическая

полифония соответствующих концептов во многом обусловлена тем, что они применяются для описания различных типов политических образований на протяжении долгой истории человеческих обществ. Важно учитывать, что классифицируют их современные историки и политологи, и это часто **не соответствует самоидентификации** властителей или общностей, состоявших под властью тех или иных политических институтов. Так что титул правителя и формальное наименование территории не рассматриваются как критерии, определяющие подлинно «имперский смысл». В поиске ключей к пониманию сущности империи ученые выделяют другие характеристики – однако, как мы увидим, они не являются ни исключительными, ни универсальными для всего множества форм политической организации, объединяемых этим понятием.

Один из таких параметров – это **масштаб** политики: однако многие большие государства теоретики не причисляют к империям.

В качестве другой субстанциональной характеристики ученые выделяют определенную **модель развития** политики. Например, непрерывную территориальную экспансию и экстенсивное развитие, преимущественно за счет захвата новых ресурсов, нежели за счет эффективной организации совместной жизни граждан внутри империи. Отмечается, что это тип политической организации, характерный для доиндустриальной эпохи, на смену которому приходят национальные государства модерна [Матвеева, 1996; Keyder, 1997]. Однако индустриальная эпоха также рождает империи, а экстенсивное развитие может успешно сочетаться с прогрессивным. Колониальные империи, к примеру, признаются «продуктом промышленной революции». Причем отмечается, что именно «в последние десятилетия XIX в. Европа расширялась быстрее, чем когда-либо» – т.е. в период заметного технологического прогресса обществ [Экарева, 2008]. Под это определение также не попадают «Советская империя» и Евросоюз, которые ряд ученых также рассматривают как империи [Colomer, 2008; Cooper, 2003]. Поэтому, по мнению некоторых авторов, точнее будет выделять империи аграрного типа и современные промышленные империи [Сайфуллин, 2010], а «империализм» США и ЕС по многим параметрам можно назвать постиндустриальным.

В качестве определяющих свойств империи ученые также выделяют ее **политическое устройство** и **систему управления**.

Чаще всего ее описывают как автократическое политическое образование с централизованной системой управления. Однако различные исторические сюжеты дают исследователям основания высказывать и диаметрально противоположные суждения. Например, по мнению Ж. Коломера, пространству империи (которая может иметь как авторитарную, так и демократическую форму правления), наоборот, свойственна ситуация наслаивающихся друг на друга юрисдикций. С его точки зрения, империя включает в себя политические единицы с различными «институциональными формулами». Государство характеризуется монополией на власть на своей территории и гомогенным институциональным режимом [Colomer, 2008, p. 52–53].

Ряд исследователей отмечают, что империи свойственны специфические **формы социальной интеграции**. Она объединяет мультиэтничное сообщество [After the empire, 1997, p. 181], и, хотя мультиэтничность характеризует многие государства-империи – исторические и современные, – принято считать, что государство стремится к гомогенизации мультикультурных обществ [Colomer, 2008, p. 49], в то время как империи иначе решают задачи их интеграции. Но в понимании этого вопроса также нет единства.

Одни теоретики полагают, что сущность империи состоит в признании равенства гражданских прав всех ее подданных и формировании общей идентичности с обширным геополитическим пространством (а порой и со всем познанным миром) – одновременно с политикой религиозной и этнической терпимости [Экарва, 2008, с. 154–156].

Другие утверждают, что такие идеалистические представления имеют мало общего с реальной внутренней политикой империй. В Словаре транснациональной истории, напротив, отмечается такая специфика империй (главным образом, колониальных), как политико-правовое неравенство составляющих ее людей [Iriye, Saunier, 2009]. В колониальных империях Нового времени жители колоний были сильно ущемлены в правах по сравнению с жителями метрополии. Модель неоколониальной империи США (Rax Americana) во многом повторяет модель Британской империи, но власть над «неоколониями» реализуется преимущественно с помощью «мягкой силы». Так, сторонники неомарксизма, теорий зависимости и др. раскрывают проблему фактической эксплуата-

ции жителей стран Третьего мира Первым миром, во главе с США. Исследователи указывают, что и античный империализм в этом аспекте мало отличался от империализма Нового (и Новейшего) времени и что повествование о всеобщем равенстве граждан древних империй является идеалистическим мифом [Фролов, 2007].

Другими отличительными (в том числе и от государств) чертами империи признаются **неопределенность ее территории** и **нечеткость границ**. Так, в представлении И.Г. Яковенко, государство имеет определенную сферу интересов во внешнем мире и стремится контролировать политическую ситуацию, однако не претендует на поглощение кого бы то ни было. В том числе потому, что при постоянном изменении границ затруднительно государственное строительство [Яковенко, 1996]. В свою очередь, как отмечают многие авторы, «имперский принцип, по сути, **безграничен**, границы империи обозначают лишь установленный в данный момент баланс сил...» [Матвеева, 1996]. Ее характерным свойством считается наличие сфер интересов и сфер влияния далеко за установленными пределами [Уколова, 2008], что противопоставляется принципу национального суверенитета как основного принципа международных отношений [Iriye, Saunier, 2009]. Имперская политика предполагает не просто поглощение слабых соседей, но основана на потенциале расширения до всего «*Orbis terrarum*», т.е. всего познанного мира. М.В. Ильин пишет, что «каждая империя по природе стремится стать “поднебесной”, всемирной» [Ильин, Бака, 2002].

Эта «природа» во многом связана с имперской **идеологией**, основанной на принципе **универсализма**, а порой даже «**космизма**». В ее фундаменте зачастую лежат смысловые конструкты, формирующие трансграничные идентичности, которые конкурируют с нациецентризмом в структуре политического действия. Империя стремится реализовать идею *универсального политического организма*.

Так, «древние империи нередко и в самом деле охватывали всю познанную территорию суши и моря, за пределами которой античная геополитика уже не ориентировалась» [Новая философская энциклопедия, 2010, т. 2, с. 100]. Среди них ученые выделяют Ассиро-Вавилонскую и Мидо-Персидскую, правители которых, вероятно, «считали своим высшим призванием покорять все наро-

ды для установления мира и порядка на земле» [Соловьев, 1890–1907]. Но главным античным прототипом глобальной политики была Римская империя: в идеальном плане «имперский смысл» и по сей день во многом образует слава Рима, ставшего символом *высшей земной власти*. Считается, что он был если не духовным, то идеологическим прародителем многих других империй, видевших свое предназначение в *объединении всех стран и народов в «Рах»* (в том числе СССР и США [Ващенко, 2004]).

Среди них особым историческим примером была Священная Римская империя, идеологии которой был присущ действительно космический, *трансцендентный универсализм*. Еще в Римской империи родилась концепция *мировой религии*, объединенной со светской властью, также всемирной, – «со времен Юлия Цезаря и Августа, когда император принял сан верховного жреца, и его личность сделалась священной» [Балакин, 2004]. Но Священная Римская империя еще на порядок возвышала священство своей власти на основе «идеи о более совершенном единении человечества – *Raх Christiana*, форме человеческой общности, скрепляемой и направляемой уже не властью обожествляемого императора, но единого истинного Бога» [Уколова, 2008]. Обновлялось также и понятие равенства, которое стало означать не равенство перед законом, а равенство перед Богом. Такая метафизика объясняет геополитическое позиционирование империи: поскольку она выступает земным отражением абсолютных ценностей, то любые границы для нее временны и преодолимы – не только территориальные, но в каком-то смысле и временные.

Идея империи может перемещаться между политическими центрами. Так, идея Священной Римской империи продолжала жить и после падения Константинополя. Еще в поздней античности, «после того как Константин Великий перенес свою резиденцию из Рима в Византий, императорская власть перестала быть связанной с городом, создавшим ее» [Балакин, 2004]. Тогда родилась концепция «перехода империи» (*translatio imperii*) как перехода метафизического мирового царства из страны в страну. Рим стал не территориальным, а символическим центром мира, продолжая оставаться «вечным городом» (*urbus aeterna*).

Аналогично концепция «Москва – Третий Рим» основана на идее переноса империи, легитимирующей преемственность поли-

тического центра по отношению к Византии. Эта идеология, согласно которой Россия уже не рассматривалась как часть христианского мира, а становилась его центром, и этот мир как бы «включался в содержание Святой Руси» [Тульчинский, 1994], была одной из основ развития русского империализма. Так же как и прежний Рим, Святая Русь представлялась земным отражением безграничной идеи или духовной субстанции, поэтому и Российская империя не предполагала границ. (В целом «русское мессианство», переходящее от Российской империи к Советскому Союзу, как некая культурная константа, часто видится как идеалистическое и беспредельно широкое [Матвеева, 1996].)

В ходе секуляризации государств меняется понимание миссии империи, задача реализации которой должна оправдывать ее стремление к (абсолютной) экспансии. Роль такой абсолютной истины начинают выполнять **либеральные ценности**, что, по сути, означает возврат к античным идеалам. «**Либеральной империей**» называли Францию 1860–1870-х годов при Наполеоне III, который считал себя преемником Карла Великого и в конечном счете наследником Рима. (Так можно было бы назвать и империю Наполеона I, который был приверженцем идей Великой французской революции и армия которого продвигала идеи свободы народам Европы.) Понятие «либеральная империя» стало вновь применяться в конце XX в. для характеристики внешней политики США, идеологией которой является защита прав человека и демократических устоев.

«Советская империя» также предложила свою версию транснациональной мессианской идеологии. Она отчасти выражена словами Интернационала, который был гимном СССР до 1944 г. Эта держава провозглашала своей задачей построить новый, совершенный мир, чтобы «воспрянул род людской». Коммунистическая идеология претендовала на провозглашение абсолютного принципа в основе общественного порядка – так же как и либеральная, возрождающая идеи о правах человека из классической философии.

Помимо воплощения некой трансграничной либо даже трансцендентной истины теоретики указывают еще на одну «идею всемирного призвания» [Филиппов, 1995], которая позволяет метафизике империи грезить о всемирном владычестве. Она также была завещана еще античным миром и передавалась по наследству новым центрам власти, претендовавшим на мировое лидерство.

С древних времен империя рассматривалась как то, что поддерживает порядок бытия и без чего и мир бы распался (мир как порядок и как состояние мира, т.е. *рах*). В описании различных империй несколько крупных мыслителей (С.Н. Булгаков, Х. Фрайер, К. Шмитт) использовали новозаветное слово «катехон» [Филиппов, 1995], в христианской эсхатологии означающее нечто препятствующее «концу света», удерживающее мир от хаоса и разрушения.

Этот элемент имперской философии используется идеологами современного империализма: так, США позиционируют себя и многими воспринимаются как «катехон» современного мира, провозглашая своей миссией поддержание мирового порядка и защиту либеральных ценностей. Американские геостратеги утверждают, что необходимость усиления власти США обусловлена растущей нестабильностью мира [Бут, 2004] и что «функция» мирового лидера является для них «естественной», если не «предначертанной» в современном мире, где им отведено место «града на вершине холма» [Баталов, 2005, с. 57–58].

Анализ метафизики империи действительно позволяет глубже проникнуть к истокам империализма, но не дает его однозначного и исчерпывающего объяснения. В том числе потому, что одновременно с идеологическим универсализмом, легитимирующим постановку сверхзадач в политике, многие империи в своем развитии полагаются также на идеи избранности некой нации, которые во многом обуславливают мотивацию элит, а также используются в решении внутренних задач политических организмов, конкурирующих за «жизненное пространство». Это можно увидеть на примерах Британской империи, «Американской империи», а также античных империй, которые решали экономические и социально-политические вопросы своих обществ за счет обращения в рабство периферийных варварских народов [Фролов, 2007]. «Советская империя» при всей широте коммунистических идей не была готова отказаться от нациецентрического мышления.

Так что оценку *реальной* имперской политики исследователи часто дают в категориях классических (реалистических) теорий международных отношений: империализм определяется как увеличение могущества одного государства за счет других. Идея сталкивается с реальностью, а мир (*рах*) – с войной.

Итак, проведенный анализ показывает противоречивость подходов и в конечном счете невозможность выведения универсальной формулы имперского типа политической организации и четкой идентификации политики империализма. Это особенно проявляется с усложнением общества и аналитических моделей его эволюции. Например, в концепциях империализма социал-демократических мыслителей конца XIX – начала XX в. главными субъектами, монополизирующими власть, выступают не государства, а **«капитал»** или «магнаты капитала», стремящиеся установить диктатуру над миром. Так, в 1910 г. Р. Гильфердинг, автор работы «Финансовый капитал», показал, что финансовый капитал, образовавшийся путем слияния банковского и промышленного, стремился подчинить себе государство «для того, чтобы проводить политику экспансии и присоединять новые колонии» [Новиков, 1996]. В этом же ключе сформулировал свою теорию империализма В.И. Ленин; он описывал империализм как стадию развития капитализма, на которой происходит образование действующих в мировом масштабе корпораций-монополий, осуществляются переделы мира между трестами капитала, выделяется слой финансовой олигархии, определение которой во многом соответствует современному понятию «транснационального капиталистического класса» [Sklair, 2001]. Он все же рассматривал империализм в русле классических объяснений международных отношений. В его представлении капитал опирался на определенное государство и правил миром в союзе с определенной нацией. Но и тогда уже были теоретики, которые в описании феномена, условно говоря, **«капиталистического империализма»** выходили за рамки этой парадигмы. Так, К. Каутский в начале XX в. выдвинул концепцию **«ультраимпериализма»** – политики, которая гипотетически должна была стать новой фазой эволюции капитализма и поставить на место борьбы национальных финансовых капиталов эксплуатацию мира объединенным транснациональным капиталом, реализующим власть мирным путем, – т.е., говоря современным языком, за счет «мягкой силы». Еще один представитель марксизма, Н.И. Бухарин, рассуждая о мировом хозяйстве и империализме, утверждал, что национальные экономики давно уже не являются замкнутыми и включены в общемировую систему экономических отношений, – а

это определяет транснациональный характер власти (империализм) капитала.

Современный исследователь, представитель неомарксизма С. Амин продолжает в традиционном для этой школы ключе рассматривать империализм как непреходящий атрибут капитализма, в том числе глобального капитализма. Исследователь считает, что капитализм – это империалистическая система, поскольку он поляризует общество, способствует «возникновению господствующих центров и угнетенных периферий». Его концепция допускает смену форм асимметричной центрo-периферийной поляризации в ходе истории – т.е. **смену различных форм империализма** [Amin, 2005]. В том числе он описывает «новую форму империалистической экспансии», которую осуществляет «ансамбль центров мировой капиталистической системы» (главным образом США, Европа и Япония) в борьбе за глобальный рынок, и предлагает модель «*коллективного империализма*», сформировавшегося после окончания Второй мировой войны.

Другие современные теоретики, М. Хардт и А. Негри, выдвигают «постмодернистскую» модель Империи, противопоставляя новый мировой порядок модели борьбы наций-государств эпохи модерна (поэтому использование заглавной буквы принципиально для различения терминов). Термином «Империя» авторы обозначают транснациональное политическое образование, в котором власть является всемирной, тотальной, однако дисперсной и сетевой [Hardt, Negri, 2000]. То есть в их концепции поляризация властных отношений не является обязательной чертой империи, как в неомарксистских теориях империализма.

Учитывая показанную нами широту применения категорий империи и империализма, разумно будет оставить попытки описания некой универсальной модели этих феноменов – и вместо этого конкретизировать и использовать в анализе более узкие понятия, которые позволят обобщать схожие между собой явления.

Также, уточняя категории политического анализа, важно понимать, что философские идеи о мировом порядке существуют и развиваются отдельно от *империй как различных форм реализации власти* и далеко не всегда могут опосредовать понимание их действительных характеристик. Политические игроки, в том числе государства, используют транснациональные идеологии, реализуя

свои (как правило, прагматические) стратегии. Имперские идеи, зачастую утопические, как правило, не выражают действительную суть политики властных институтов – хотя могут служить основой идентичностей и мотивации отдельных акторов, в том числе и части элиты, направляя ее политическую активность.

На примере анализа концепций и реалий империализма видно, насколько спутан клубок (интер) национальных и транснациональных властных отношений ввиду сложного переплетения интересов разных акторов. Многочисленные формы империализма зачастую представляют собой комплексные системы доминирования, которые включают и международные, и транснациональные отношения.

Литература

- Amin S.* U.S. Imperialism, Europe, and the Middle East // *Monthly review*. – N.Y., 2004. – Vol. 56, N 6. – Mode of access: <http://monthlyreview.org/2004/11/01/u-s-imperialism-europe-and-the-middle-east> (Дата посещения: 13.05.2013.)
- After empire. Multiethnic societies and nation building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey K. Hagen, M. von (eds.) – Boulder: Westview Press, 1997. – 200 p.
- Burton A.* After the imperial turn: Thinking with and through the Nation // *Burton A.* (ed.) – N.Y.: Routledge: Duke univ. press, 2003. – 360 p.
- Colomer J.M.* Bringing the empire back in // *Journal of globalization, competitiveness and governability*. – Wash., D.C., 2008. – Vol. 2, N 1. – P. 48–58.
- Cooper R.* The breaking of nations. Order and chaos in the twenty-first century. – N.Y.: Atlantic monthly press, 2003. – 192 p.
- Hardt M., Negri A.* Empire. – Cambridge, MA: Harward univ. press, 2000. – 478 p.
- Hobson J.A.* Imperialism: a study. – N.Y.: Cosimo, Inc., 2006. – 386 p.
- Hopkins A.G.* Globalization in world history / *Hopkins A.G.* (ed.). – N.Y.: W.W. Norton & Company, 2002. – 352. p.
- Imperialism // *The Oxford pocket dictionary of current English*. – L: Oxford univ. press, 2009. – 1264 p.
- The Palgrave dictionary of transnational history / *Iriye A., Saunier P.Y.* (eds.). – L.: Macmillan Publishers Ltd, 2009. – 1232 p.
- Robinson W.I.* Beyond the theory of imperialism: Global capitalism and the transnational state // *Societies without borders*. – Leiden, the Netherlands, 2007. – N 2. – P. 5–26.
- Sklair L.* The transnational capitalist class. – Boston, Oxford: Wiley, 2001. – 351 p.
- Балакин В.Д.* Творцы Священной Римской империи. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 356 с.
- Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

- Богатуров А.Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. – М., 2004. – Т. 2, № 1 (4). – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/four/002.htm> (Дата посещения: 12.05.2013.)
- Ващенко А.В.* Американская империя и Советский Союз: неудивительные параллели // Международные процессы. – М., 2004. – Т. 2, № 1. – С. 167–172.
- Ильин М.В., Бака П.* Разгадывая Европу. Загадка первая: translatio imperii // Космополис. – М., 2002. – № 1. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/cosmopolis/37/> (Дата посещения: 12.05.2013.)
- Империя (тип государства) // Большая Советская Энциклопедия: В 30-и т. 1969–1978. – Режим доступа: [http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Империя%20\(тип%20государства](http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Империя%20(тип%20государства) (Дата посещения: 13.05.2013.)
- Политология: Краткий словарь / Под ред. Коновалова В.Н. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 448 с.
- Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Издательское общество Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1907–1909. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/империя/Брокгауз%20и%20Ефрон/Империя/> (Дата посещения: 14.05.2013.)
- Матвеева С.Я.* Возможности нации-государства в России: попытка либеральной интерпретации // Полис. – М., 1996. – № 1. – С. 154–162.
- Новая философская энциклопедия: В 4 томах / Под ред. Степин В.С., Гусейнов А.А., Семигин Г.Ю., Огурцов А.П. и др. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1. – 744 с.; Т. 2. – 634 с.; Т. 3. – 692 с.; Т. 4. – 736 с.
- Новиков Г.Н.* Теории международных отношений. – Иркутск: Изд. Иркут. ун-та, 1996. – 298 с.
- Сайфуллин Р.* Числовой алгоритм этнополитогенеза и динамика империй // Власть. – М., 2010. – № 5. – С. 46–49.
- Соловьев Вл.* Всемирная империя // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Издательское общество Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1890–1907. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/ (Дата посещения: 12.05.2013.)
- Тулчинский Г.Л.* Об одной ошибке русской философии // Вопросы философии. – М., 1995. – № 3. – С. 83–94.
- Уколова В.И.* Империя: исторический опыт Рима // Вестник МГИМО-университета. – М., 2008. – № 2. – С. 3–10.
- Филиппов А.Ф.* «Империя» в современной политической коммуникации // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. – М., 1995. – С. 458–466.
- Фролов Э.Д.* Античный империализм: понятие, этапы развития, идеологическое обрамление, значение в жизни античного общества // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2007. – № 6. – С. 15–22.
- Экарева И.Л.* Россия в системе мировых империй: некоторые особенности // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – Саратов, 2008. – № 3. – С. 154–156.
- Яковенко И.Г.* От империи к национальному государству // Полис. – М., 1996. – № 6. – С. 117–128.